

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Хорошие собаки и этология человека

*«Любить то, что было, – это нечто новое под солнцем,
неведомое многим людям и всем голубям...*

*Только в этом, а вовсе не в бомбах господина Буша
и не в нейлоновых чулках господина Дропона заключено
объективное свидетельство нашего превосходства над животными»*

Ольдо Леопольд

«Календарь песчаного графства»

Понятие «хорошая собака» очень и очень расплывчато. Одни считают хорошей собаку красивую, побеждающую на выставках, и разнообразие вкусов и взглядов тут бесконечно велико; другие – способную достичь высших спортивных результатов; третьи – надёжного работника; ещё кто-то предпочтёт собаку, не требующую от владельца существенных затрат времени, внимания и сил, необременительную при содержании в городской квартире... И всё это будут очень разные собаки. При этом какая-то из них, при картинном экстерьере, – хилая телом и душой, отягощена букетом наследственных соматических болезней; какая-то, темпераментная и неутомимая в дрессировке, – вместе с тем туповата, неприятна и назойлива в общении, одержима привычками маниакального характера; храбрый охранник и защитник требует твёрдой руки, а без контроля может быть опасен для окружающих; а та, что по современным, сперва англосаксонским, а теперь и общеевропейским взглядам только и приемлема для проживания в городе, – до деревянности флегматична и до чрезвычайности глупа, и вообще по характеру и мышлению уже стоит, пожалуй, ближе к растениям, нежели к хищным млекопитающим.

Наверняка найдутся желающие повторить избитое: нужны, мол, всякие собаки, поскольку все люди разные, и каждый должен найти себе что-нибудь по вкусу. Что ж, тогда давайте поразмыслим над одним, не очень лестным для владельцев собак, фактом: многие, очень многие из них (примерно три четверти, если судить по косвенным данным) держат собак для компенсации каких-либо своих комплексов, и чаще всего, по мнению некоторых психоаналитиков, в качестве «вредной привычки», позволяющей в удобной форме закрыть глаза на собственные личностные недостатки и жизненные проблемы и отстраниться даже не то, что от их ликвидации, но и от осознания. Отнюдь не малому числу людей собака нужна для самоутверждения. И как говорилось в одном известном фильме, «это больше, чем факт, потому что так оно и есть на самом деле». Добро ещё, если жажда самоутверждения выражается в фанатичном стремлении к победам на выставках или в одержимости при занятиях дрессировкой. Гораздо хуже – в увлечении собачьими боями, а то и в запугивании мирных граждан на улицах. Но множеству

Александр Власенко

Хорошие собаки и этология человека

*«Любить то, что было, – это
нечто новое под солнцем,
неведомое многим людям и всем
голубям...*

*Только в этом, а вовсе не в
бомбах господина Буша
и не в нейлоновых чулках
господина Дюпона заключено
объективное свидетельство
нашего превосходства над
животными»*

Олдо Леопольд
«Календарь песчаного
графства»

Понятие «хорошая собака» очень и очень расплывчато. Одни считают хорошей собаку красивую, побеждающую на выставках, и разнообразие вкусов и взглядов тут бесконечно велико; другие — способную достичь высших спортивных результатов; третьи — надёжного работника; ещё кто-то предпочтёт собаку, не требующую от владельца существенных затрат времени, внимания и сил, необременительную при содержании

в городской квартире... И всё это будут очень разные собаки. При этом какая-то из них, при картинном экстерьере, — хилая телом и душой, отягощена букетом наследственных соматических болезней; какая-то, темпераментная и неумолимая в дрессировке, — вместе с тем туповата, неприятна и назойлива в общении, одержима привычками маниакального характера; храбрый охранник и защитник требует твёрдой руки, а без контроля может быть опасен для окружающих; а та, что по современным, сперва англосаксонским, а теперь и общеевропейским взглядам только и

приемлема для проживания в городе, — до деревянности флегматична и до чрезвычайности глупа, и вообще по характеру и мышлению уже стоит, пожалуй, ближе к растениям, нежели к хищным млекопитающим.

Наверняка найдутся желающие повторить избитое: нужны, мол, всякие собаки, поскольку все люди разные, и каждый должен найти себе что-нибудь по вкусу. Что ж, тогда давайте поразмыслим над одним, не очень лестным для владельцев собак, фактом: многие, очень многие из них (примерно три четверти, если судить по косвенным данным) держат собак для компенсации каких-либо своих

комплексов, и чаще всего, по мнению некоторых психоаналитиков, в качестве «вредной привычки», позволяющей в удобной форме закрыть глаза на собственные личностные недостатки и жизненные проблемы и отстраниться даже не то, что от их ликвидации, но и от осознания. Отнюдь не малому числу людей собака нужна для самоутверждения. И как говорилось в одном известном фильме, «это больше, чем факт, потому что так оно и есть на самом деле». Добро ещё, если жажда самоутверждения выражается в фанатичном стремлении к победам на выставках

или в одержимости при занятиях дрессировкой. Гораздо хуже — в увлечении собачьими боями, а то и в запугивании мирных граждан на улицах. Но множеству закомплексованных нужны ведь, к сожалению, заведомо плохие собаки. Трусливые, болезненные, глупые, а главное — как можно более зависимые. Чтобы было перед кем чувствовать себя гением, героем, спасителем и прочая. Кто не помнит, пусть перечитает Дж. Даррелла «Филе из палтуса», главу «Урсула», — в ней описан характернейший тому пример! В общем, к стыду человеческому, в современном

обществе на плохих собак
сформировался широчайший
социальный заказ. И он, благодаря
безответственности и
бессовестности, царящим в
кинологии, удовлетворяется
повсеместно и полностью!

Что человека из пещеры в люди
вывела собака, ставшая ему
симбионтом — помощником в охоте и
союзником в противостоянии
крупным хищникам, — любят
повторять многие. А вот скользкую
тему, как человек платит за былую и
нынешнюю помощь своему другу,
превращая его системой
«культурного» разведения в самые

разнообразные модели уродства физического и психического, в среде кинологов затрагивают не слишком охотно. Хотя проблема эта выскочила далеко за пределы декоративного собаководства и теперь относится к абсолютному большинству заводских пород. Причём не только к обширному направлению «выставочного» разведения, но и к тому, что по традиции именуется «рабочим», хотя в значительной части уже определённо должно называться «спортивным».

Спортсменам нравятся собаки, которые выигрывают соревнования, проводимые согласно неким

условным нормативам. Спортсмены, конечно же, стараются использовать таких собак в разведении. И что же они, в итоге, разводят?

Наиболее популярные популярные нормативы, по которым соревнуются дрессировщики служебных собак, когда-то создавались в расчёте на зоотехнический отбор особей с поведением, наиболее желательным при их практическом применении: в обывденной жизни — спокойных, разумных и уравновешенных, а в работе — серьёзных, азартных и горячих. Через утрирование нормативных требований и через искусство дрессировщиков здесь,

практически на глазах одного поколения собаководов, произошла подмена реальных ценностей мнимыми: теперь в выигрыше оказались собаки с гипертрофированной активностью (и, как выясняется, среди немецких овчарок — зачастую попросту наследственно больные, с суженным спинномозговым каналом и потому с аномально высоким тонусом центральной нервной системы, т.е. постоянно стимулируемые болью), к тому ещё и без лишних, мешающих мыслей в голове, с предельно простым мышлением, у которых, таким образом, темперамент

абсолютно превалирует над рассудком. И даже над инстинктом самосохранения: не так уж редки экземпляры, которые в горячности своей не могут и в стандартных условиях соревнований, на привычных препятствиях, рассчитать прыжок, и падают на верхушку наклонной стенки животом. «Спортизированные» (или, как говорят дрессировщики, «заипошенные») собаки достаточно легко обучаются исполнению стереотипных навыков, но в гораздо меньшей степени пригодны для сложной работы на практике, где требуется думать; а больные ещё и

недолговечны.

В ряде «рабочих» пород встречаются особи, которые буквально опьяняются азартной игрой «в добычу» и очень скоро нечувствительно переходят порог, отделяющий игру от агрессии. Среди них есть такие, что при игровом возбуждении впадают в истерику. Другие относятся к мячику или к дрессировочному рукаву ревностнее, чем к любимой косточке, и попытка хозяина изъять предмет из собачьей пасти может закончиться дырками. Третьи, при небольшом даже сопротивлении партнёра по игре, пусть в данной роли выступает и сам

хозяин, входят в раж и могут сильно укусить, отнюдь не факт, что со злобой, но и не сказать, чтобы случайно. Возможно, они не ощущают особой разницы между игрой и боем либо реальным «выяснением отношений». Но если тут не стоит сдерживающий инстинкт, а для переключения с первого на второе достаточно лишь общего повышения уровня возбуждения нервной системы, то таким собакам в обыденной жизни доверять, наверное, не следует. А уж поручать их заботам ребёнка или домашних животных — нельзя тем более. Так это ли хорошие собаки?

Встречный вопрос: но что же тогда такое «хорошая собака»? Чтобы на него ответить, давайте для начала вспомним, почему у многих народов, чьими верными спутниками и помощниками в обозримом прошлом были собаки (охотничьи, пастушьи, боевые, ездовые), отношение к собаке регулируется куда более жёсткими нравственными критериями, чем отношение к другим домашним животным.

Особые требования по обращению с собаками обусловлены особыми историческими, культурными и моральными традициями, подразумевающими

отношение к собаке как к существу, эмоционально и интеллектуально наиболее близко стоящему к человеку и представляющему собой исключительный в своем роде дружественный человеку вид животных. Изначально и по сей день взаимопонимание собаки и человека строилось и строится на том, что у нас с ними, во-первых, схожи принципы организации стаи и поддержания внутри – и межстайных социальных отношений; во-вторых, собаки, как и люди, в норме обладают природным чувством справедливости, причём у них и у нас проявления справедливости

очень близки как по выражению, так и по восприятию; в-третьих, выражение эмоций, настроения, желаний мимикой, позами и тонами звуковых сигналов у представителей одного вида в принципе легко читаемо представителями другого. (Кстати говоря, не оттого ли у китайцев собака считалась глупым, а свинья — умным животным, что собакам трудно понимать людей, тональный строй языка которых противоположен тому, что собака способна по своей природе верно истолковывать?).

Исходя из этого, мы можем сделать первый вывод: в

традиционном представлении хорошая собака, прежде всего, обладает сильно выраженными, регламентированными на инстинктивном уровне качествами социального поведения. Например, контактностью, способностью к взаимопониманию и дружбе, альтруизмом. Этими качествами чётко регулируются проявления агрессии, радости, иных сильных эмоций, обуславливаются такие сложные формы поведения, как взаимовыручка, забота о молодняке, охрана общей территории и т.д. в той норме, что обеспечивает существование здорового

микроклимата в стае, способствует
наибольшей устойчивости
иерархической стайной структуры и
структуры положительных
социальных связей, а значит, и самой
стаи в более или менее трудных
условиях среды. Именно из-за
наличия столь мощных
поведенческих регуляторов
нерушимые правила жизни, в
собачьем понимании относящиеся и
к собакам, и к людям, позволяют нам
доверяться ей. Другими словами,
хорошая собака характеризуется
прогнозируемостью поведения,
нормы которого жёстко ограничены
здоровыми инстинктами. Поэтому

взрослая хорошая собака не может всерьёз укусить ребёнка, сама стремится согласовать свои действия с желаниями хозяина, следит за безопасностью членов семьи, но без нужды и без предупреждения ни на кого не бросится, старается поддерживать установленный порядок взаимоотношений со «своими» и «чужими»...

Разумеется, что для адекватной оценки разнообразных жизненных ситуаций, для быстрого понимания требований хозяев, для полноценного общения с окружающими хорошая собака должна быть умна. Найти рациональное определение качеству

собачьего ума весьма сложно. Сюда мало включить лёгкую обучаемость, способность к обобщению, к верным умозаклучениям на основании опыта, память. По-настоящему хорошая собака обладает некой не вполне объяснимой интуитивной способностью чувствовать событие, особенно – опасность, явно до того, как оно может быть воспринято известными органами чувств или даже до его наступления. Более того, хорошая собака способна и к правильным упреждающим действиям по своему предчувствию. И ещё она умеет как-то сразу и безошибочно определить, хороший

перед ней человек или плохой. Несомненно, именно эти свойства имели в виду древние составители Авесты, когда утверждали, что умом собаки держится мир.

Хорошая собака не может быть трусливой. Трусость подавляет в ней лучшие качества точно так же, как и в человеке, превращая ум в хитрость, а сообразительность в изворотливость, стойкость же в упрямство. И всё это в итоге обращается против желаний и интересов хозяина. Краеугольный камень хорошего поведения — смелость. Смелая собака экспансивна: её энергия, её

нормальная природная агрессия направлены на покорение внешнего, за пределами стаи, мира. У трусливой же собаки реализация агрессии направлена на знакомое, относительно безопасное, т.е. на членов своей стаи, на хозяев. Фрустрация, порождённая трусостью, выражается в разных формах: от постоянной замкнутости и низкой контактности (когда можно говорить о склонности к оцепенению при страхе) до регулярных покусов хозяина и членов его семьи (высокая раздражимость при злобно-трусливом поведении), включая между указанными крайними

проявлениями и такие неприятные моменты, как деструктивное поведение (порча вещей) и преднамеренное нарушение порядка. В любом случае трусость затрудняет процессы обучения и воспитания собаки и, что немаловажно, сильно снижает удовольствие от общения с ней.

Хорошая собака обладает нормальной, т.е. поддающейся коррекции и контролю, агрессивностью. «Мы не знаем ни одного живого существа, которое способно к личной дружбе и при этом лишено агрессивности», — писал К. Лоренц, имея в виду

внутривидовую агрессивность, кою собаки в несколько преломлённой форме переносят на людей. И ещё: «...внутривидовой агрессивности без её противника, любви, бывает сколько угодно, но любви без агрессии не бывает». Здесь в первую очередь следует рассмотреть проблему разведения «безопасных» собак, чем много лет озабочены британцы, а в последнее время также и собаководы континентальной Европы, преимущественно из стран, где «зелёные» дорвались до власти. Устоявшуюся в Великобритании традицию разведения собак для «массового потребителя» можно

охарактеризовать как полифакторный негативный отбор по агрессивности. Но можно и как селекцию на превращение собаки из высокоразвитого существа в диванное животное с довольно примитивным поведением и отсутствием каких-либо душевных качеств. Ведь «проблемы безопасности» порождаются не только наличием у собаки мало-мальски сильного характера, но и живым темпераментом, и потребностью в познании мира (исследовательской активностью, которая, в частности, тем выше, чем выше интеллект), и сложным

социальным поведением, лежащим в основе установления отношений по разделительному принципу «свои» – «чужие». А значит, для достижения нужного результата посредством разведения выгодно, наряду с прямым «гашением» агрессивности: «растянуть» время формирования взрослого поведения, по возможности сохранив пожизненный инфантилизм; довести флегматичность до самых крайних пределов; вообще понизить функциональную активность головного мозга. Идеальным выражением указанной тенденции является некий живой аналог

тамагочи, обладающий легко удовлетворяемыми животными потребностями, и только. Делай с ней всё по режиму, тогда рано или поздно выработаются условные рефлексы. Скулит у миски, – дело ясное, надо сыпануть гранул из пакетика. Ноет у двери – тоже понятно, хочет гулять. А коли живность потребует участия в процессе размножения, её желания можно упредить кастрацией: в англосаксонском мире у абсолютного большинства собак их естественные права урезаны хирургическим способом. Причём кастрация широко рекомендуется тамошними

зоопсихологами как простое и эффективное средство против агрессивности и избыточной активности. В общем, «безопасная» собака — довольно вяло и плоско живущее животное, почти безразличное к своему окружению. Её поверхностная привязанность к ухаживающим за нею людям является для последних удобоваримым суррогатом любви, вполне достаточным для того, чтобы получать удовольствие от общения с «кусочком живой природы». А то, что данной собачке сменить хозяев — раз плюнуть, мало кого задевает за живое. В действии золотое правило

«массовой культуры»: «имитация, которую охотно принимают, лучше труднодостижимой подлинности». И здесь мы напрямую сталкиваемся с ужасающим симптомом западной городской цивилизации — непониманием Настоящего, неспособностью к его восприятию и, как следствие, его отторжением. Отторгается всё, что не вписывается в общую стандартизированную картину искусственного комфорта, обеспечивающего радости мещанского бытия. И этот канализированный путь пагубен не только для собак, но и для самого человека.

В системе мировоззренческих координат, основанной на псевдодемократических ценностях и правах человека, центральное место занимают не Бог и даже не человек, а сами по себе декларируемые ценности и права. Это так, даже если американцы не один, а сто раз на каждом долларе напечатают рекламный слоган своей религиозности. Указанные ценности, между тем, обладают некоторыми свойствами живых организмов: они, в частности, быстро размножаются посредством законодательных органов и захватывают пространство целых государств, вытесняя из

употребления, а потом и из сознания людей традиционные представления о справедливости, чести, моральности, греховности, в том числе и заповеди, сформулированные в великих вероучениях. А подменять мораль и совесть любыми, даже самыми совершенными законами нельзя, потому-то культура и цивилизация вовсе не одно и то же. В культурном обществе невозможны эксцессы, подобные дикому истреблению ротвейлеров (как то случилось в Великобритании пятнадцать лет назад) либо недавней кампании по ликвидации пит-бультерьеров и ряда других

подвернувшихся под руку пород, прокатившейся по многим странам Европы и сопровождавшейся убийствами собак, избиениями их владельцев и прочими выходками идиотов, успешно зомбированных средствами массовой информации.

Трудно отрицать, что в странах западной цивилизации широкая общественность исполнена гуманизма и любит животных. Готова прямо-таки задушить в своих объятиях. Потому добилась запрета купирования ушей и хвостов (пусть себе травмируются; но отчего-то кастрация к разряду запрещённой вивисекции не отнесена). Потому не

позволяет использовать жёсткие методы дрессировки (кому очень надо, спортсмены, военные и полицейские, втайне всё равно, конечно, их применяют; а вот «массовый потребитель» таковой возможности практически лишён и от собак с приличными, сильными характерами вынужден избавляться). Но для собак куда лучше было бы, если бы общественность вместо лицемерной, липкой любви и раздутого, навязчивого гуманизма испытывала к ним элементарное уважение. А что никакого уважения нет и в помине, легко подтвердить примерами. В Англии, скажем,

вполне нормально явление, когда специальная полицейская бригада в защитных костюмах «а ля космонавт» и с петлями в руках входит во двор, где, как следует из соседского доноса, содержится агрессивная собака, затем, невзирая на протесты хозяина, ловит эту собаку, суёт в клетку и увозит в участок на сутки-другие для обследования зоопсихологом. И если собака позволит себе хотя бы символически огрызнуться на ловцов или «исследователей», домой она, скорее всего, больше не вернётся. По летальным причинам. Или, вот, согласно закону, едва не ставшему

всегерманским, чтобы за крупных собак целого ряда пород (кавказских овчарок, бульмастифов, ротвейлеров и других) не платить налога, в несколько крат превышающего обычный, и не выводить их за пределы двора только на коротком поводке и в наморднике, следует пройти тестирование, в ходе которого собака ни разу не должна проявить агрессии. Тест состоит примерно из двух десятков воздействий различного рода, включая имитацию нападения постороннего, издающего угрожающие крики и размахивающего над собакой

большой палкой, а в другом варианте — чиркающего у неё под носом зажигалкой. То есть не принятый пока закон охраняет от вероятных покусов способного на подобные поступки буйного сумасшедшего только потому, что тот родился человеком, и обрекает на беспомощность и страдание оказавшуюся у него на пути психически нормальную собаку лишь по той причине, что она, в порядке самообороны, может нарушить его права. До дикости оголтелый, пещерный антропоцентризм!

В одной недавно вышедшей

книге приведены слова кого-то из японцев, напрямую относящиеся к затронутой теме: «Мы понимаем, что отличаемся от животных, но не до такой степени, чтобы отделяться от них. В отличие от европейцев мы не так добры к животным, более того, иногда бываем даже жестокими, но не настолько надменны и более «вежливы» с ними».

Высокая культура не только не тождественна высокоразвитой цивилизации, но она и совершенно не обязательный её спутник. Вспомним того же Дерсу Узала, назвать которого цивилизованным человеком невозможно, а

культурным, вне всяких сомнений, очень легко. Высокая культура подразумевает признание прав не только своих и уважение не только к себе. Что на уровне личности, что на уровне вида. И потому требует известного самоограничения. Такое отношение к окружающему миру вовсе не обязательно должно быть прописано законом на бумаге. Нравственный закон внутри человека – Божественной природы, он выше законов, придуманных людьми.

Хорошие собаки не вписываются в современное цивилизованное, псевдодемократическое общество уже потому, что позволяют себе

самостоятельно принимать решения в тех случаях, когда за людей вопросы решают суды и адвокаты. Так нужны ли хорошие собаки этому обществу?

Если мы станем рассматривать данную проблему лишь исключительно с прикладной, потребительской точки зрения, то достаточно быстро придём к отрицательному ответу. С циничной пользовательской позиции нужны не столько хорошие, сколько успешные собаки. А это не всегда одно и то же. Так, например, некоторое время тому назад на телеэкране промелькнул лучший по поиску наркотиков

лабрадор с английской таможни. И мимолётного взгляда хватит, чтобы определить в нём перевозбудимого психопата с явно маниакальным поведением. Ничего, кроме как искать наркотики, он не умеет, даже сносно ходить на поводке. Но ведь от него больше ничего никому вовсе не нужно! При крайне узкой специализации, может быть, нормальное поведение вообще не желательно. Вспомним собак спортивных, тех, например, что состязаются во флайболе. Налицо маниакальные психозы с мощнейшим самоподкреплением: каждая поимка мяча всё сильнее и

сильнее стимулирует желание ловить следующие мячи, вплоть до полного изнеможения. А, скажем, «ипошники», большей частью, решительно повёрнутые на апортиках, многим ли лучше? Значительное количество из них за апортиком в чужих руках готово хоть на край света уйти. Почитаешь, что пишут о поведении «ипошных» овчарок апологеты сего «спорта», и, право слово, не знаешь, что делать: смеяться над «подвыподвертами» насквозь проспортивленных умов или плакать о судьбе бедных собак. Ведь последних («рабочего-прерабочего» разведения,

дрессированных-преддрессированных и даже успешно выступающих на соревнованиях!), оказывается, и в квартире без клетки держать нельзя, ибо громят всё и вся, и мимо играющих детей водить нужно только на поводке, а то мячики у них отберут, невзирая на команды, и остановить, ежели бросились за оленем, можно разве что с помощью электрошокового ошейника. И это овчарки, блин! А как их воспитывают и дрессируют — это вообще отдельная и очень печальная песня. В частности, ради того, чтобы направить всю без остатка энергию собаки в спорт, дрессировщик,

научившийся уверенно произносить слово «мотивация», старательно лишает несчастное животное нормальной собачьей жизни, оставляя ему, помимо возможности необходимого отправления естественных потребностей, только примитивную игру с разного рода апортировочными предметами, подкрепляемую время от времени ещё и лакомством (что лежит в основе современной спортивной дрессировки), и собственно исполнение нормативных упражнений в стандартных условиях. Воспитание в традиционном понимании, как процесс социальной

адаптации, связанный с прикладной дрессировкой, не приветствуется и почти отсутствует, поскольку навыки, обретаемые воспитуемой собакой, плохо совмещаются с требуемым в спорте бешеным темпераментом, с которым должны исполняться почти все, пусть и самые простые, приёмы. Потому ещё, чтобы собака не расхолаживалась, не рекомендуется подавать ей в быту какие-либо команды. Понятно, что клеточное содержание такой овчарки продиктовано не только её, с нашей точки зрения, невоспитанностью, но и является неотъемлемой частью формирования крайне узко

специализированного поведения. И одним из средств превращения более или менее здоровой психики в параноидальную. Но аморально не только само по себе применение таких методов «трудоголизации». Ведь здесь, охватив одним взглядом всю картину, мы без напряжения можем разглядеть некий вариант классического рабства, когда живое, мыслящее существо содержится и используется исключительно в качестве механизма, и которому именно поэтому не позволяют ни развивать мыслительные способности, ни, соответственно, полноценно жить в кругу людей.

Право, трудно назвать любителями собак тех, кто воспитанию друга предпочитает выращивание из щенка раба. Ну а мы, итого, приходим ко вполне однозначному выводу: современные утрированные требования к рабочим или спортивным качествам если не всегда, то в ряде случаев ориентированы на собак с явно выраженными аномалиями поведения.

«Реклама – двигатель торговли». Этот известный принцип, эксплуатирующий человеческую стадность и глупость, в полной мере относится к продаже собак частным

лицам. Количество титулов, «цацек» и «кочерыжек», раздаваемых на выставках, пожалуй, уже превышает количество экспонируемых собак. Людям со стороны, не вращающимся в кинологических кругах, невдомёк, что «чемпионская» родословная, на которую они покупаются, приобретая щенка, во многих случаях не столько сертификат качества, сколько удостоверение инвалидности. В целом, выставочное разведение противонаправлено разведению хороших, прежде всего — пользовательных собак. Но в качестве аргумента такой довод мало эффективен. Те, кто хотят

обзавестись собакой, особенно — в первый раз, обычно чересчур доверяются организованной системе сбыта с её мишурным блеском ринговых побед, трескотнёй титулов и безудержным враньём насчёт очередных прогрессивных этапов зоотехнической работы с овчарками, доберманами, колли, боксёрами и так далее. Да ещё в целом ряде стран содержание практически работающей охранной или защитной собаки в частном владении стало опасным прежде всего для её владельца: дешевле застраховать своё имущество от кражи, нежели удовлетворить запросы адвокатов

вора, попавшего в собачьи зубы. Настоящая, хорошая собака оказывается и для работы не нужна, и для выставок редко когда годится. Опять же, с воспитанием бывают проблемы, потому как умна, настойчива и стремится к лидерству. И случайному человеку очень трудно понять, что главное преимущество её и не в работе даже, а в том, что с ней попросту на порядок интереснее и полезнее общаться.

В общем, издержки западного уклада жизни очень мешают существованию хороших собак. Впрочем, возможно, что здесь дело не только в социальных условиях и

соответствующих им «рамках поведения» людей, но и в закрепившихся уже на органическом уровне особенностях восприятия нормы как таковой.

При сравнении культур западной (в экстремальном выражении — американской) цивилизации с азиатской обнаруживается анекдотичная, но весьма занятная параллель между национальными психотипами и типами поведения национальных пород собак. Что бы сами американцы по этому поводу ни думали, для всех остальных людей олицетворением американского собаководства был и остаётся пит-

бультерьер. Как у туркменов — алабай.

Молодая североамериканская нация ведёт свой род от людей авантюрного склада, попадавших в Новый Свет кто в погоне за наживой, а кто и вовсе по приговору суда, а также от наиболее изворотливых и живучих рабов и ещё от тех, кто готов был плыть даже за океан ради вольной жизни. Ни одну из этих категорий «отцов нации» язык не повернётся назвать очень уж законопослушной. Но совместная жизнь сама по себе подразумевает необходимость создания некой законодательной базы. Она и была в

конце концов создана, но не сформировалась на основе преемственности от законодательства какой-либо другой страны (потому что традиции сохраняются только при существовании схожей культуры отношений), а сложилась на основе разрозненного опыта, потому эклектична, а с логической точки зрения, мягко говоря, и небесспорна. В юмористических рубриках разных газет и журналов частенько цитируются выдержки из законов отдельных штатов, вызывающие если уж не смех, то оторопь. А по-другому и не могло получиться в обществе,

где всё разрешено, что не запрещено, где общественная мораль сама по себе не является действенным регулятором поведения.

Наверное, только в стране, где среди людей преимущество всегда имели «успешники», ходившие по краю закона и плевавшие на прочие ограничения, и мог быть создан питбуль. Как говорится, по образу и подобию... Он сам – типичнейший «успешник», жизнерадостный и темпераментный, смелый, предприимчивый и вместе с тем вполне сообразительный. Всегда и всюду чувствует себя в своей тарелке. Конфликтные ситуации, которые

зачастую создаёт сам, разрешает силой. Однако с чувством меры у него плохо. Как и с чувством юмора. Можно сказать, мозги хорошо развиты, но жаль лишь, что только в одной плоскости. Такт, вежливость вообще отсутствуют. Способность к взаимопониманию довольно низкая. В азарте легко переходит от игры к ожесточённой драке. И если уж дело до неё дошло, то нападает без предупреждения, дерётся без правил, насмерть, не считаясь ни с собой, ни с противником. О последствиях не думает, а сдерживающих инстинктов не имеет. Тут уж ему всё равно, щенок перед ним или особь

противоположного пола. К пит-булю равно трудно отнести слова «джентльмен» и «вменяемый». В бою он может визжать от боли, что резаный поросёнок, как будто сдаётся на милость победителя, но при этом сам продолжает атаковать. Оставлять даже миролюбиво настроенных пит-булей вместе, вне контроля, значит рисковать их жизнью. Они не способны сосуществовать без надзирающего ока, как, впрочем, и их создатели.

Народы, что исконно содержат среднеазиатских овчарок, отличаются приверженностью традициям, уважением к старшим,

религиозной обрядностью, входящей в повседневный быт. Для них очень значим семейный и родовой авторитет. Жизнь буквально пронизана всевозможными ритуалами, скрупулёзное исполнение которых считается хорошим тоном. Честность, порядочность, благородство до сих пор в этих народах ценимы и уважаемы не показушно, а взаправду.

И сравним с пит-булем среднеазиатскую овчарку, алабая. Собака самостоятельная, способная к оптимальной организации стайной жизни, едва ли не умнейшая и надолго всё запоминающая, со

здоровыми инстинктами и великолепным соблюдением всех полагающихся ритуалов. При том, что пошутить многие из них любят, однако же свои функции исполняют только на полном серьёзе. На одну обманку два раза не попадают, правду от фальши отличают быстро. Умеют сами верно определить круг обязанностей и тщательно, с полезной инициативностью, их соблюдают. В различных ситуациях «азиаты» ведут себя по-разному, в зависимости от обстоятельств. Одно дело — на своей территории, другое — на чужой, так — днём, этак — в сумерках и ночью. До смерти с

собаками не дерутся, сдавшихся отпускают.

Как можно предположить, учитывая азиатский менталитет, питбуль в кишлаках и аулах придётся, скорее всего, не ко двору. А среднему американцу, самому западному из западных людей, хорошая для Средней Азии собака вряд ли покажется настолько уж хорошей. Не соответствует подсознательным, глубинным устремлениям! (Впрочем, сейчас национальным пристрастиям американцев отвечает, в среднем, совсем иная собака – примерно, как у англичан: круглая в сечении, с добрыми и глупыми глазами, редко

сползающая с дивана и совершенно не агрессивная. Но ведь и сами американцы очень сильно изменились... Однако их сегодняшнему вкусу «среднеазиат», пожалуй, отвечает ещё меньше).

И тем не менее, несмотря на это и другие выше описанные несоответствия, именно в нормальности собак и заключается важнейший их фактор полезности для людей западной цивилизации. Причём полезности собак действительно хороших, в традиционном представлении, со здоровым, правильным поведением. А именно: хорошая собака может

служить некой точкой привязки к системе этологически нормальных координат в построении общих отношений с окружающим миром, в определенной степени — противовесом ложным ценностям современного общества, пагубно влияющим на развитие полноценной личности.

В целом проблема обесчеловечивания человека в условиях уродливо построенной цивилизации прекрасно описана К. Лоренцом («Восемь смертных грехов цивилизованного человечества»). Коснёмся пары её граней, на которых особенно отчётливо проявляется

потребность людей в общении с хорошими собаками, в помощи со стороны собак.

Урбанизированный человек в отрыве от живой природы, от естественного, с биологической точки зрения, миропорядка, от естественных опасностей, требовавших в ответ наличия силы духа, смекалки, изобретательности, проницательности на уровне интуиции, а также коллективизма, альтруизма, самоотверженности и много чего ещё, и потому исторически выработавших у нас те качества, что мы считаем истинно человеческими (хотя всё

перечисленное, вне сомнений, присуще и хорошим собакам), он теперь, и давно уже, очевидно уходит от своего естества, разрушает его, культивирует в себе противоположные качества, подрывающие устойчивость на микро- и макропопуляционном уровне, устойчивость родовую, племенную, национальную, этническую, а в конечном итоге и вообще видовую.

Дезориентация человека начинается с детства и постоянно подкрепляется отравленными плодами нынешней культуры. Например, кинематографом,

телевидением и даже театром. Древнегреческий, традиционные японский и китайский театры с воспитательной точки зрения лучше современных зрелищных представлений уже только одним использованием характерных масок. По тому, какая надета маска, определяется и отношение зрителя к герою. Теперь вспомним, что у людей (не у всех, правда) имеется замечательное качество определять с первого взгляда, по внешности, по выражению глаз, характер и склонности других людей, причём с довольно высокой степенью точности. Это качество врождённое,

но развивается (или, наоборот, подавляется) в процессе воспитания, с опытом. В связи с этим можно упомянуть небезызвестное «Глаза – зеркало души» и народное «Бог шельму метит», и петровское «Рыжих и косых в государеву службу не брать», да и Ломброзо, как бы его некоторые ни ругали, свою теорию отнюдь не на пустом месте выстроил. А между тем, актёров, способных к перевоплощению, что в рыцаря без страха и упрёка, что в распоследнего подлеца, в любые времена водится не слишком много. Ну, там, Смоктуновский, Евстигнеев, Басилашвили... Мало кто, не из

числа завзятых театралов и киноманов, навскидку сможет перечислить больше десятка лицедейских талантов равного им масштаба. А остальные актёры, в массе своей, перевоплощаться не умеют. Вот и получается, что смотришь на благородного экранного героя, и видишь, что не может, никак не может быть он таким хорошим, рожею не вышел. Или наоборот, играет всякую сволочь, а по лицу ясно, что к низостям не склонен даже под угрозой оружия. Но тогда лишь ясно, когда есть жизненный опыт, есть привычка запоминать и сравнивать. А если нет?

Растущий ребёнок знакомится с новыми людьми и смотрит фильмы по телевизору. Допустим, что каждое знакомство даёт ему верную информацию о людях, а каждые два из трёх героев кино – неверную. Но с людьми он знакомится – так, чтобы их понять – от силы раз в неделю, а телевизор смотрит по три раза на дню. Научится ли такой ребёнок верно оценивать людей на интуитивном уровне, при мимолётной встрече? Вряд ли. А если два-три поколения вырастают в атмосфере ложной информации, тогда что? А тогда на инстинкте самосохранения выстраивается и

распространяется модель
фальшивого поведения, например:
адресованная всем псевдоулыбка и
готовый для всех же камень за
пазухой. Основа тому – постоянный
подспудный страх, а стало быть
недоверчивость вплоть до
подозрительности и готовности к
превентивному удару, если только
чьё-либо непонятное поведение
окажется истолкованным как
потенциально угрожающее. И
следствие – неврозы, срывы,
нарушения социализации и даже
наркомания (средство уйти от
стресса) и гомосексуализм
(смещение сексуальной ориентации

вследствие боязни лиц
противоположного пола и неумения
наладить с ними нормальный
контакт). Всё это, вплоть до войны
Америки с Ираком, можно
истолковывать как симптомы
тщательно упрятанной ксенофобии,
развившейся на почве противоречий
в информации, получаемой, с одной
стороны, вербальным, а с другой –
невербальным путём.

Огромная, но всё ещё слабо
осознаваемая проблема западного
мира – широко культивируемая под
диктовку агрессивного
общественного мнения ошибочная
система воспитания детей на

вседозволенности, «по доктору Споку». По тому самому Споку, что скончался в доме для престарелых, успев под занавес жизни отказаться от своего учения. Более того, Спок повинился перед миллионами вольно или невольно обманутых им людей. Только вот мало кто об этом извинении слышал. Между тем продолжают издаваться по всему миру книжки Спока, принося барыши его дурно воспитанным наследникам. И на отвергнутых самим автором концепциях вырастают новые поколения «нефрустрированных» детей. О том, какие страдания причиняет ложная

доброта и этим детям, и тем, кто их окружает, тоже есть у Лоренца. Ребёнок, он ведь, как и щенок, ищет пределы своей власти над миром. Не может не искать, поскольку такова его природа. И ему обязательно нужно, для душевного комфорта, чтобы кто-то твёрдо ограничил его в притязаниях на эту власть. Когда-то и с применением силы. Что милосердие выше справедливости, бесспорно. Но справедливость первична. Особенно для детей и щенков. Не только для проявления, но и для понимания проявленного милосердия надо созреть. Если в детстве ребёнок не испытывает

наказания — растут неумеренно его амбиции, превращаются в наглость, в крайний эгоизм. И вот ради своего «хочу» он уже готов попать права любого другого. Если нет устойчивого, справедливого порядка, необходимость соблюдения которого подкреплена авторитетом или силой старших, то ребёнок (или щенок) устанавливает порядок по своему усмотрению. Но управлять происходящим или осознанно контролировать его он не может, отсюда полшага до развития неврозов. А впервые столкнувшись с чужой волей, с необходимостью подчинить свои желания

установленным извне правилам, «не фрустрированная» особь испытывает сильнейший стресс, прямыми последствиями которого могут оказаться всё те же наркомания, неустроенность личной жизни, психосоматические заболевания. Если же на дефекты социализации, вызванные воспитанием, накладывается влияние массовой культуры (тех же голливудских боевиков, в которых все сложные вопросы решаются героем предельно просто, посредством мордобоя либо пули), то любое жизненное затруднение легко становится причиной преступления.

Американские школьники, к примеру, ежегодно отстреливают своих учителей и одноклассников.

Нереализованная агрессия, с одной стороны, а с другой – целый ряд факторов, таких, как непонимание серьёзности возможных последствий не только для себя, но и для близких, укоренившееся в подсознании ожидание непременного хэппи-энда, толкают людей, а особенно подростков, на неоправданный риск. Здесь занятия экстремальными видами спорта – самый лучший из возможных вариантов. А ведь чем не варианты, скажем, вливание в толпу

буйствующих фанатов или, что совсем уж нетерпимо, — демонстративное пренебрежение правовыми и моральными нормами, хулиганство ради хулиганства и даже грабежи ради грабежей. Внутреннее «нельзя, потому что нельзя» не действует, поскольку его нет, не заложено с детства, а рулетка «поймают — не поймают, накажут — не накажут» только подхлёстывает желание рискнуть чужим и своим благополучием и здоровьем. В общем, это явление можно рассматривать как бунт человеческой природы против избыточного комфорта, против

зацивилизованности.

Безусловно, человеку надо чем-то время от времени рисковать. «Человек всегда должен рисковать и ставить на кон либо жизнь, либо душу, либо свой покой, либо... ещё какую-нибудь мелочь» (Р.Киплинг). Мужчина устроен так, что ему насущно нужно нечто новое, поиск, риск, контакт с неизвестным, непознанным. У женщины же существует естественная, связанная с материнством, потребность в совершенно ином: для неё важны хоть какая-то, но — гарантия защищённости, пусть ложное, но — ощущение безопасности. И если

мужчина желает контролировать любую жизненную ситуацию и отвечать за происходящее сам, то женщина подспудно хочет переложить и риск, и ответственность на кого-нибудь другого, подальше от себя и от круга своих близких. Весьма показателен в этом отношении следующий факт: при любой, даже самой тяжёлой криминогенной обстановке именно женщины в абсолютном большинстве своём выступают против свободного ношения оружия. Пусть при этом правонарушители вооружены до зубов, а «правоохранители» совершенно не в

состоянии с ними сладить. Женщина готова смириться с серьезной, но известной и до известной степени отставленной опасностью, чем с малой, но близкой и не очень предсказуемой. Ведь она судит о возможных последствиях по тому, как могла бы поступить сама. Но мужчину обладание оружием, как правило, сдерживает. Так же точно, как и обладание любой другой большой силой. А вот женщину — распускает. Вспомните: самую агрессивную внешнюю политику проводят именно женщины, оказавшиеся у кормила власти! Западное общество с его системой

ценностей устроено как раз по «женскому типу» и, в общем-то, психологически комфортно прежде всего для женщин. Особенно для стремящихся занять мужские, лидерские роли. В мужчине же — подавляет мужское начало, поскольку вынуждает поступать по женскому образцу. Не бить в морду и не стреляться на дуэли, а обращаться в суд. Искать в свалившемся несчастье не свою вину, а чужую. А в итоге и возникает современная ситуация, ехидно подмеченная Губерманом:

Всё нежнее и сладостней мужчины,

*Женщины всё круче и железней.
Скоро в мужиках не без причины
Женские объявятся болезни.*

Инстинктивный бунт против подобного положения вещей, выражающийся, в частности, в стремлении к неоправданному риску, и приводит, по закону маятника, к действиям, выходящим за рамки законов и морали.

Подытоживая приведённое выше, нельзя не согласиться с теми, кто говорит о глобальном кризисе человеческой личности в условиях современной западной цивилизации.

Теперь посмотрим, что в противовес перечисленным

проблемам и тенденциям получает человек, которому приходится правильно воспитывать и дрессировать хорошую собаку (не для спорта, пропитанного условностями, а для реальной жизни!). Чтобы собака верно трактовала его требования и чтобы у него с собакой установились нужные взаимоотношения, человек вынужден недвусмысленно демонстрировать свои эмоции, в то же время аккуратно дозируя их, и непременно блюсти чёткую и строгую справедливость, поощряя желательные действия питомца и решительно пресекая любые формы

сопротивления доступными для понимания собаки способами. Понятно, что он при этом берёт на себя функции лидера, практикуется в роли вожака. Для поддержания обратной связи, он должен научиться безошибочно распознавать и предугадывать настроения и действия собаки. Человеку, так или иначе, придётся считаться с потребностями и побудительными мотивами поведения собаки, а рано или поздно — ещё и доверять ей. Воспитывая щенка с сильным характером, он скоро сам придёт к выводу, насколько вредна американская педагогика «без

фрустраций», а стало быть, не станет позднее применять её к своим детям. В итоге дрессировки, добившись взаимопонимания и придя к взаимоуважению, человек обретёт действительно друга, в общении с которым можно обходиться без искусственной ролевой маски, а оставаться самим собой, нисколько не беспокоясь о сохранении своего реноме. И это — очень много в противостоянии стрессовому давлению среды, из которой человек, в силу жизненных обстоятельств, не может вырваться.

Ребёнок, с младенчества растущий бок о бок с хорошей

собакой, привыкает к порядку в отношениях, видя со стороны требовательность, справедливость и строгость (когда хозяева подчиняют собаку), а порой и испытывает их на себе, причём не только от родителей, но и от собаки тоже. Вот, кстати, совсем недавний пример из консультационной практики. В загородном доме проживает супружеская пара, их трёхлетний ребёнок (мальчик) и няня. Пёс (немецкая овчарка, кобель, около трёх лет, хорошо управляемый) содержится во дворе, изредка его пускают в дом. С ребёнком общается неограниченно, временами играет,

но без особого желания. Няню третирует: в отсутствие хозяев сам заходит в дом, ложится на диван, а её не подпускает. Точнее, она сама боится к нему подходить. И этот зверь в течение последнего месяца трижды кусал ребёнка. Но не до крови. В результате опроса установлено следующее. Первый укус случился, когда мальчик решил насыпать собачке в глазки немножко песочка. Собачку отлупили тут же, при ребёнке. И ребёнок захотел утвердиться над собакой за счёт власти родителей. Пользуясь тем, что пёс не может его сильно укусить, стал намеренно провоцировать

конфликты с ним, а после с удовольствием наблюдал за экзекуцией. Рекомендация моя была самая простая: в подобной ситуации наказывать именно и только ребёнка, причём на виду у собаки. А собаку никогда больше, даже за очевидную провинность, не наказывать на глазах у вредного мальчишки.

Многие дети даже в малом возрасте, едва научившись ходить, легко понимают настроение больших и умных собак, а те, соответственно, их. С детства выработанная привычка верно истолковывать взгляд, выражение эмоций и мыслей в мимике и в движении сохраняется

на всю жизнь. Ребёнок, выросший под опекой хорошей собаки, знает, что такое дружба и что такое уважение. А пережившему смерть любимой собаки не нужно как-то ещё объяснять, что такое настоящее горе. И всё это — очень много для формирования полноценной личности.

У береговых чукчей и эскимосов был замечательный обычай. Новорождённому мальчику дарили щенка. Они росли вместе, и никто не имел права брать «детскую собаку» в упряжку или на охоту. Когда же мальчик подрастал настолько, что мог с луком и пращёй добывать

мелкого зверя и птицу, ему дарили другого щенка, которого он сам приучал к работе. А старый пёс спокойно доживал свой век, если, конечно, ещё был жив к тому времени. Лишь сейчас мы можем понять не только практическую целесообразность, но и мудрость этого древнего обычая.

Рано или поздно, а собака лишится своей прикладной ценности как помощник в той или иной работе. Но нужда человека, особенно ребёнка, в уникальном партнёре, в живом учебнике этологии, постоянно подающем пример здорового отношения к людям и

животным, друзьям и недругам, вообще к жизни, ко всему окружающему миру, не пройдёт никогда, вне зависимости от того, осознаёт это сам человек или нет.

Хорошие собаки, конечно же, не панацея от всех бед западной цивилизации, но это тот кусочек чистого неба, который можем сохранить мы сами.

Перейдём к заключительному вопросу: а где же взять хороших собак и как сохранить их для будущего, для наших с вами потомков?

Рецепт не настолько уж и сложен, но требует определённых

жертв. Ради его исполнения следует, для начала, отказаться от тупикового маршрута, на который собаководство загнано современной лженаукой кинологией. То есть необходимо кардинально изменить критерии селекции. Настоящие любители собак не могут не понимать этого, ведь трудно найти хотя бы одну породу, чьи качества не были частично или полностью утрачены лет за тридцать (в среднем) «культурного» разведения. Племенную работу с породами, ещё пригодными для чистокровного разведения, не испорченными окончательно, надо основывать на

трёх китах, имена коим: биологическая полноценность (конституциональное здоровье), фенотипическая пригодность для выполнения тех функций, ради которых порода нужна, и наличие желательных поведенческих характеристик. Именно желательных, а не минимально удовлетворительных! Для оценки поведенческих характеристик претендующие на универсальность спортивные нормативы дрессировки совершенно не годятся. Взамен их надлежит разработать специфические тесты и нормативы испытаний для каждой породы, а в

некоторых случаях (например, для среднеазиатских овчарок) даже для каждого направления разведения. При этом установить верхние возрастные пределы для сдачи той или иной ступени испытаний. Это важно, поскольку, во-первых, все хорошие собаки рано проявляют задатки серьёзной работы, а во-вторых, требуется по возможности снизить влияние искусной дрессировки на селекционный процесс. Далее, с течением времени, следует периодически усложнять содержание нормативов, с тем, чтобы добиться прогресса в развитии нужных нам качеств. Сегодня, к

сожалению, действует практика иного рода: нормативы от редакции к редакции становятся всё проще и проще. Они подгоняются под спорт, а не под нужды зоотехнии. Между тем, существует целый ряд ценных поведенческих признаков, зачастую определяющих суть породы, которые нынешними испытаниями вообще никак не выявляются и, соответственно, не учитываются при отборе и подборе. Два случая у меня сейчас перед глазами. Немецкие овчарки, кобели. Одному одиннадцатый год. До десяти работал в милиции. До сих пор может со ста метров на лобовой атаке снести

фигуранта, не говоря уже о том, что и бегают, и прыгает всё ещё неплохо, и вяжет. Но главное вовсе не его геройство и здоровье. Он обладает в полной мере благородным характером, описать который в двух словах никак нельзя. Но и люди, и собаки его прекрасно чувствуют. Это утраченный, почти реликтовый тип поведения. Среди всех овчарок, что мне приходилось видеть за последние двадцать пять лет, данный пёс был бы в десятке лучших. Другой кобель полуторагодовалый, недоверчивый, злобный и отважный. Его поведение отлично иллюстрируется следующим

примером. На участке, где он содержится, работают строители. Стоит им отставить в сторону лопаты, чтобы передохнуть, как кобель направляется к ним и угрозами заставляет вернуться к трудовой деятельности. Разумеется, никто намеренно его этому не учил. Соседи, которые тоже строятся, просто обзавидовались. Вот каких собак нужно разводить! Но разве эти их блестящие качества можно обнаружить при испытаниях по стандартной системе?

Целый ряд сильно деградировавших пород с узкой кровной базой нуждается в

реконструкции путём метизации (возможно, и гибридизации). Например, для восстановления нормального сенбернара можно использовать некоторых среднеазиатских овчарок, для бульмастифа, боксёра и эрдельтерьера – отобранных по поведению пит-булей и стаффордширов. В некоторых случаях, ради сохранения малочисленных ценных пород, потребуются создание «дубликатов». Желательный результат иногда достижим и в первой генерации. Так, собак, неотличимых от аргентинского дога, получали от

сочетания «белый бультерьер (кобель) – рыжий боксёр (сука)», а почти идентичных кане-корсо от вязки кобелём ротвейлером суки мастино-наполетано.

Следует обдуманно создавать и новые породы. Роскошные плоды метизации регулярно обнаруживаются на дрессировочных площадках. Плод любви курцхаара и «азиатки», сука в типе старинных русских легавых, с изумительными физическими данными, потрясла меня своей сообразительностью, будучи ещё щенком трёх с половиной месяцев от роду. За три занятия на дому она освоила: хождение рядом;

посадку к ноге; посадку, укладку и стойку на расстоянии трёх метров с подачей голоса из каждого положения; ползание с того же расстояния; подзыв и возвращение на место; апортировку различных предметов, включая металлические; посадку и укладку из движения и то же из свободного состояния на расстоянии до десяти метров. Несколько лет назад видел замечательного метиса шарпея и западносибирской лайки, очень красивого и с отличным характером. А в прошлом году погиб, к сожалению, интересный кобель с достойным поведением, сын колли и

«азиатки», выглядевший как колли конца 19 века, т.е. похожий на крупного бордер-колли. Подобные примеры можно множить.

И, в принципе, сейчас как раз то самое время, когда собаководство можно вернуть в нормальную колею. Разумеется, в этом деле не приходится рассчитывать на ныне существующие общественные кинологические организации, что ориентируются порочными по сути своей, настолько же надуманными, насколько и вредными установками, а никак не здравым смыслом. Но зато имеется довольно большое количество любителей собак,

которые, с одной стороны, не завязаны на «плодильно-выставочные» процессы, поскольку им это попросту неинтересно, а делать деньги на собаках – бизнес не их уровня. С другой стороны, эти люди обладают достаточными средствами, чтобы заниматься собаководством как истинным хобби, не ожидая от него какой-либо прибыли или окупаемости, но только морального удовлетворения. И что важнее всего, они независимы в своих вкусах, пристрастиях и суждениях. Для них в то же время не составляет проблемы привлечь в помощь квалифицированных

специалистов. А великолепный вариант неформального объединения их усилий – Интернет. Достаточно заинтересованности нескольких таких людей, чтобы появился шанс не только оздоровить вырождающиеся, но и создать новые перспективные породы собак. И ещё – вернуть в собаководство правила «честной игры», спорта джентльменов, в котором верят слову, где личная подпись на родословной означает больше, чем самая большая печать, и нет необходимости проводить в подтверждение указанному происхождению анализ ДНК. Собственно, всё это, то есть

любительство в чистом виде, существует в некоторых количествах кое-где и в Англии, и в Америке, но, разумеется, вне известных клубов. Значит, вполне возможно и у нас.

Возвращение собаководства к «до-кинологическим» принципам селекции, к восстановлению исчезнувших качеств заводских пород, но теперь, разумеется, основанное уже не на одной только голой эмпирике, а на известных и подтверждённых наукой закономерностях, есть единственный путь спасения домашней собаки как существа, полноценного во всех отношениях. А главное, —

несомненно нужного человеку в будущем. Вряд ли, однако, этот путь устроит абсолютно всех более или менее известных кинологов. Уж среди них-то наверняка найдутся желающие назвать его ретроградным. Но за большей частью их доводов, таких, как, например: от нас отвернётся светлый лик международных кинологических организаций, или: у нас в руках вместо эстетически совершенных плодов многолетнего культурного разведения окажутся разнотипные дворняги, подобные собакам сто- или двухсотлетней давности, — за доводами этими коли и кроется

любовь, то отнюдь не к собакам как таковым, а в лучшем случае к своей блистающей на выставках собаке, что, как правило, подразумевает ещё большую любовь либо к приятно хрустящим бумажкам либо к своему правдами и неправдами обрётённому положению «звезды» кинологического общества. Если только данные доводы не являются обычным плодом апломба и незнания. Ведь на самом деле нами утрачено в собаках столько поистине ценного, что объяснить это людям, не видавшим тех собак собственными глазами, порою просто невозможно. Да, они

заслуживали любви и уважения гораздо чаще и с куда большим основанием, чем собаки нынешние. В память той любви и хочется вернуть прежних немецких овчарок, ризеншнауцеров, эрделей, боксёров и даже некоторых доберманов. Вполне вероятно, что вместе с настоящими собаками к человеку вернётся и подлинно уважительное отношение к ним, нужное, быть может, даже не столько собакам, сколько самим людям, — чтобы оставаться людьми. И потому ретроградность здесь есть самая прогрессивная позиция из всех возможных.